

А. Е. Лебедь

Сумской государственной университет

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ОНА?

Досліджується питання про сутність і статус істини в контексті розвитку сучасної науки. Аналізуються способи репрезентації істини, причини кризи в її сприйнятті та оцінці.

Ключові слова: істина, дефляціонізм, конвенціональність.

Исследуется вопрос о сущности и статусе истины в контексте развития современной науки. Анализируются способы репрезентации истины, причины кризиса в ее восприятии и оценке.

Ключевые слова: истина, дефляционизм, конвенциональность.

The article explores the question of the nature and status of truth in the context of modern science. Ways of representation of the truth, the causes of the crisis in its perception and evaluation are analyzed.

Keywords: truth, deflationism, conventionality.

Говоря о философии, мы невольным образом представляем ее специфической областью человеческой деятельности, знанием, исследуемой т. н. «вечные вопросы». Привычное понимание «вечности» этих вопросов указывает на их особое содержание, которое препятствует получению строго однозначных ответов. Такая позиция зачастую имеет своим следствием скептическое и пренебрежительное отношение, как к любой попытке решения этих вопросов, так и к самой философии, формулирующей бесполезные вопросы, на которые невозможно найти ответы. Теперь уже не столь парадоксальным выглядит тезис Ф. Вайсмана о том, что «философ, желая избавиться от вопроса, не должен делать одной вещи: давать ответ. На философский вопрос не дают ответа, его устраняют» [2, с. 92]. Устраняют путем прояснения смысла слов.

Когда вдумываешься в такие вопросы, кажется, будто разум затуманивается и все, даже то, что должно быть абсолютно ясным, начинает странно сбивать с толку, становится совершенно непохожим на себя. Чтобы выявить характерную особенность этих вопросов, следует сказать, что это не столько вопросы, сколько признаки глубокой обеспокоенности разума. Однако на проблему «вечности» философских вопросов можно взглянуть и иначе, не со стороны их неоднозначной интерпретации, а со стороны их непреходящей важности и актуальности для человечества и для каждого из нас.

Истина, Добро и Красота – это вечные человеческие ценности, непреходящие и абсолютные. Случаются в истории человечества эпохи, когда в полный голос заявляется о необходимости их тотальной переоценки. Но сами ценности по-прежнему остаются незыбле-

мыми, меняются не они сами, а отношение к ним. Подобные трансформации мы наблюдаем в особенности и в отношении Истины.

В последнее время стали более оживленными исследования феномена истины, в частности на страницах журнала «Эпистемология & философия науки» (А. Печенкин, П. Куслий, А. Огурцов, Л. Маркова, И. Касавин), продолжая начатую в начале 90-х гг. XX в. научную дискуссию на страницах журнала «Философские науки» (К. Бахтияров, Г. Лобастов, В. Хазиев, А. Берак, М. Билалов). За это время изменился и вектор, и акценты современной алетологии: от определения ее критериальных и сущностных характеристик до постулирования идеи, согласно которой истина рассматривается как некая смыслообразующая реальность, событийность.

Понятие истины всегда использовалось человечеством для обоснования своих притязаний на могущество, исключительность, превосходство. И в то же время она оказывается чрезвычайно уязвимой, становясь жертвой человеческой самонадеянности и ханжества. Человеческий разум деформировал Истину, изничтожил ее, отказав в праве на существование, заявив о том, что *Истина* рождается как ересь, а умирает как предрассудок, когда наблюдается каскад истин.

Очевидно, что речь в данном случае идет вовсе не об Истине, а скорее о правде, что не одно и то же. Во-первых, признание истины зависит от ее обоснованности, когда некий эксперимент или теоретическое доказательство позволяют что-либо называть истинным. Правда в гораздо меньшей мере зависит от обоснования. Во-вторых, истина, как правило, детерминируется объектом, в то время как правда сама подчиняет объект. В-третьих, за истину или против нее бороться бессмысленно (хотя это очень спорное замечание), а правда часто побуждает к борьбе за сохранение или изменение социальной реальности. В-четвертых, у истины и правды разная онтологическая основа: у истины – объективная реальность, у правды – мир общественных отношений. И, наконец, в-пятых, истина может быть принята всем научным сообществом или, по крайней мере, большей его частью, а правда – никогда (что тоже, в принципе, не бесспорно).

Очевидно, что истина, как правило, выражает гносеологическую ценность объекта (иногда прагматическую), в то время как правда помимо названных еще и аксиологическую, поскольку включена в универсум общественных связей и отношений, конституируя их. По-видимому, истинные представления о реальности как осмысленной, рациональной и справедливой, когда всякое существование имеет цель, смысл, абсолютно беспочвенны. Оно не было слепым и случайным. В мире царил порядок, заложенный Богом. Мир являлся не хаосом, а упорядоченным космосом, в котором человек обладал полным значения местом.

Именно эту концепцию существования разрушает человек. Для него она не является истинным изображением реальности: философские и религиозные картины мира – это только лишь выражение человеческой потребности в смысле и порядке. Они являются всего-навсего

слишком человеческими попытками избежать хаоса. Люди не могут жить без непрерывной фальсификации мира. Наше мышление всегда требует строго логической формы и структуры. Оно является «аполлоновским», но реальность не имеет формы и является «дионисийской». Поэтому наше понимание действительности оказывается непрерывным взаимодействием формообразующего мышления и импульсивных сил жизни, аполлоновского и дионисийского начал.

Ошибочно думать, что человечество живет в одном и том же объективном, данном извне мире. Человек живет в разных, часто фиктивных мирах, не соответствующих, если их взять в отдельности, сложной и многообразной действительности. Доля фиктивности и фантазмагоричности определяется степенью исключительной сосредоточенности на одном, вытесняющем все остальное.

Мы сами придаем форму существованию. Угроза хаоса понуждает нас творить смысл. Мы добавляем смысл и цель для того, чтобы выжить. Любая научная, философская система, претендующая на «истинность» — это только фикция, служащая для того, чтобы защитить наше существование. Причем человек обладает особой способностью забывать: структура, которую мы добавляем к миру, кажется нам собственной структурой мира, созданным Богом порядком. Таковы предпосылки мира и чувства безопасности.

Поскольку все когда-нибудь утрачивает ценность и объяснительную силу, мы ищем нечто иное, что могло бы заместить утраченное: моральный императив, абсолютную идею, цель истории и т. п. Чувство обесцененности возникает, как только мы понимаем, что существование не может интерпретироваться с помощью таких понятий, как «цель», «единство», «результат» и «истина». Мы сами внесли в мир эти категории и, когда их убираем, мир оказывается не имеющим ценности.

Вот как об этом пишет Ф. Ницше: «Истинный мир — идея, ни к чему больше не нужная, даже более не обязывающая, — ставшая бесполезной, ставшая лишней идея, следовательно, опровергнутая идея... Мы упразднили истинный мир, — какой же мир остался? Быть может, кажущийся? Но нет! Вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся» [5, с. 572].

Как кажется, в контексте рассматриваемой проблемы истина представляется здесь неким идолом, отжившим свой век, утратившим свою ценность. А истинный мир тождественен кажущемуся, т. е. объективированным в субъективном. И в связи с этим любое притязание научной истины на объективность, по крайней мере, некорректно.

Наука, провозглашающая истину наивысшей своей ценностью, выделяет целый ряд различных ее теорий. Но всякий раз, пытаясь определить ее сущность, мы совершаем ошибку, подменяя понятие Истины ее критериями, что далеко не одно и то же.

В связи с этим зададимся вопросом о принципиальной возможности дать исчерпывающую, осмысленную дефиницию понятия «истина». Всякое определение предполагает, что дефиниенс изначально должен быть более нам известен, нежели дефиниендум, дабы выразить через него (dfn) сущностные характеристики dfd.

В случае с понятием «истина» определяющее понятие еще более неопределенно чем определяемое. Получается, что понятие истины само по себе играет роль критерия принятия знания. Поэтому из этого все-ра возможностей, чем же все-таки является истина: идеальным объектом, свойством предметов, понятием со смыслом и значением или же способом выражения согласия с определенным утверждением, в котором мы уверены, однозначного ответа мы не находим.

Трудность (если можно сказать, даже невозможность) определения понятия «истина» предполагает вопрос об осмысленности этого понятия. В схеме Р. Карнапа смысл всякого слова и предложения должен соответствовать неким принципам:

- 1) известны эмпирические признаки « a »;
- 2) установлено, из каких протокольных предложений может быть выведено $S(a)$;
- 3) установлены условия истинности для $S(a)$;
- 4) известен способ верификации $S(a)$ [3, 46].

Попытаемся к этой схеме применить утверждение $S(a)$ об истинности существования самой истины (a). Поскольку в каждой из известных нам теорий истины последняя предполагает особый набор признаков и, соответственно, способ верификации, специфический для этой теории, постольку говорить о единой системе таковых не приходится. А это не столько проясняет сущность истины, сколько ввергает нас в хаос смыслопредставлений о том, что же все-таки есть истина. Не менее проблематичным является и выявление необходимых истинных критериев для утверждения истинности существования истины. В таком случае мы рискуем вообще не получить достаточно четкой картины того, что есть истина и что она есть.

Но, поскольку человек по своей природе стремится к познанию, расширению горизонта познания и осознанию своего места и роли в универсуме событий и вещей, постольку его волнуют незыблемые аспекты собственного творчества и возможные пределы концептуализации познаваемого им Универсума. Другой вопрос в том, насколько правдоподобна и действенна такая концептуальная схема, насколько она вписывается в структурную асимптоту событий и процессов, в конце концов — насколько она истинна.

Концептуальная схема отражает универсум смыслов и конвенций, одной из которых является и наука. Однако, снова-таки, можем ли мы быть уверены в том, что сама наука продуцирует адекватные, достоверные знания? Ведь что такое научность. Это некая конвенциональная система постулатов, принципов, констант (аксиом), критерий истинности которых не более и не менее конвенционален нежели сам феномен научности. Да, мы допускаем определенные параметры языкового влияния, согласованности самой системы принципов, семиотические аспекты научности, что постулирует новые параметры истинности со специфическими ее критериями.

Подобная конвенциональная характеристика науки является следствием рефлексии, подчиняющая, впечатывающая в тело рациональности и научности безграничные аспекты Истины средст-

вами ограниченных возможностей нашего разума. Т. е. мы конституируем реальность просто предполагая ее, но наверняка не зная, что делаем это правильно, но осмысленно.

Получается, что то «знание», которым мы якобы обладаем, на самом деле является всего лишь мнением, о чем писал еще Платон. Но «знание» знанием и называется с претензией на его универсальность либо полноту или истинность. Научный же характер знания потому таков, поскольку мы сами его таким концептуализируем, выделяем среди остального знания на основании все той же конвенции, которую называем «научность» или «рациональность». По мнению К.-Г. Юнга, всеобщей иллюзией «является вера в то, что наше сегодняшнее знание – это все, что мы можем знать вообще. Нет ничего уязвимого более, чем научная теория; последняя – всего лишь эфемерная попытка объяснить факты, а не вечную истину» [8, с. 84]. Такова специфика человеческого познания.

Исходя из этого, представляется противоречивой роль науки в системе поиска Истины, ибо она оперирует понятиями, она концептуализирует Универсум, но последний никак не вписывается в эту схему, поскольку понятие не есть бытие, как было замечено И. Кантом. Как сказано в Мундака-упанишаде: «Как реки текут и исчезают в море, теряя имя и образ, так и *знающий*, освободившись от имени и образа, восходит выше высокого» (т. е. приближается к Истине) [6, с. 626].

Вообще всякая духовно-мистическая практика поиска Истины и Абсолютного знания абстрагируется от конкретно-вещных манипуляций, что свойственно науке. Поэтому: «Не выходя из дома, можно познать мир. Совершенномудрый не ходит, но познает [все]. Не видя [вещей], он проникает в их [сущность]» [4, с. 129]. Истина религиозно-мистических практик в том, что преодолевая *вещность*, мы конституируем *вечность*, мы экстазируем в Истине.

Великий русский философ Н. Бердяев утверждает, что «Истина, единая цельная Истина, есть Бог, и познание Истины есть входение в божественную жизнь. Подмена единой, цельной, освобождающей Истины маленькими частными истинами, претендующими на универсальное значение, ведет к идолопоклонству и рабству. На этой почве возникает сиентизм, который совсем не есть наука. Все частичные истины означают приобщенность, хотя бы и не осознанную, к единой, верховной Истине» [1, с. 295–296].

Наука же (в большей степени эмпирическая, прикладная), по словам Н. Федорова, «из служанки богословия сделалась служанкою торговли», попала «в рабство торгово-промышленному сословию» и вместо поиска Истины служит умножению предметов роскоши и забавы [7, с. 316]. Она разобщена: между теорией и практикой, рациональным и внерациональным явно прослеживается диспропорция, что свидетельствует об их «небратстве».

Идеал научного прогресса, по мнению Н. Федорова, состоит в том, чтобы «дать участие всем как в производстве предметов чувственного удовольствия, так и в потреблении их; тогда как целью истинного прогресса может и должно быть только участие всех

в деле познания слепой силы... для обращения ее в живую силу» [7, с. 85]. Следовательно, научный прогресс понимается как такая форма жизни, при которой человеческий род может вкусить наибольшую сумму страданий, стремясь достичь наибольшей суммы желаний. Но человек, слепо полагающийся на достижения науки, вместо того, чтобы силы природы обратить в управляемые разумом, свою душу обращает в слепую силу.

Единственным (естественным) путем к Истине может стать только синтез научного и вненаучного, рационального и внерационального, теоретического и практического, т. е. то, что Г. Гурджиев называл «четвертым путем», а Н. Федоров «философией общего дела».

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. Царство Духа и царство Кесаря / Н. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 383 с.
2. Вайсман Ф. Как я понимаю философию / Ф. Вайсман // Путь в философию. Антология. – М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2001. – С. 83–117.
3. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка / Р. Карнап // Путь в философию. Антология. – М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2001. – С. 42–62.
4. Лао-Цзы. Дао дэ цзин / Лао-Цзы // Древнекитайская философия. Собрание текстов : в 2 т. – М. : Мысль, 1972. – Т. 1. – С. 114–138.
5. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 2 – 829 с.
6. Упанишады / пер. с санскрита А. Я. Сыркина. – М. : Восточная литература, 2003. – 782 с.
7. Федоров Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – М. : Мысль, 1982. – 711 с.
8. Юнг К.-Г. Архетип и символ / К.-Г. Юнг. – М. : Ренессанс, 1991. – 304 с.

Надійшла до редколегії 27.01.11

УДК1 (091) (477)

Т. В. Лисоколенко

Слов'янський державний педагогічний університет

ІРРАЦІОНАЛЬНЕ ПІЗНАННЯ У ТВОРЧОСТІ ІВАНА ВИШЕНЬСЬКОГО

Розглянуті основні гносеологічні позиції відомого українського полеміста Івана Вишенського. Показано, що власною творчістю Вишенський поглибив та поширив поле осмислення ірраціональної проблематики в українській філософії.

Ключові слова: ірраціональне пізнання, самопізнання, трансцендентне.